

ИГОРЬ М. БОГУСЛАВСКИЙ

Институт проблем передачи информации РАН, Москва

Мадридский политехнический университет, Мадрид

e-mail: igor.m.boguslavsky@gmail.com

ORCID 0000-0003-3390-1449

О ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИИ АКТАНТОВ И СИРКОНСТАНТОВ В МОСКОВСКОЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ

ON THE ARGUMENT – ADJUNCT DISTINCTION IN THE MOSCOW SEMANTIC SCHOOL

ABSTRACT: In this paper, we address the problem of the argument/adjunct distinction in relation to some recent proposals, in which the distinction is rejected as too subjective to be the object of linguistic description, rather superfluous and not supported by reliable criteria. We show how the argument/adjunct distinction is treated by the Moscow semantic school: it is relevant for linguistic description in many respects, particularly because valency filling is the major mechanism of merging the meanings of the words into the meaning of the whole sentence.

KEYWORDS: semantic and syntactic obligatoriness/optionality, valency, actant, scope

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: семантическая и синтаксическая обязательность / факультативность, валентность, актант, сфера действия

SŁOWA KLUCZOWE: obligatoryjność / fakultatywność semantyczna i składniowa, walencja, aktant, zakres działania

Противопоставление актантов и сирконстантов (ниже – ПАС), введенное Теньером (Tesnière 1959), известно в лингвистике уже шесть десятков лет, но споры по его поводу не утихают до сих пор. С одной стороны, идея или, точнее, образ, выдвинутый Теньером, очень нагляден и привлекателен. Он

состоит в том, что глагольное ядро предложения в некотором смысле выражает небольшую драму. Как и в драме, в предложении есть действие, актеры и обстоятельства. Глагол выражает действие, актанты – участники этого действия, а сирконстанты выражают обстоятельства времени, места и т.п. С другой стороны, при попытке проанализировать трактовку этого противопоставления в различных лингвистических традициях оказывается, что разные лингвисты часто понимают его несколько по-разному (Somers 1987), и эти точки зрения трудно свести к какому-то единому знаменателю.

Многие работы, сформировавшие наше видение ПАС, были написаны несколько десятилетий назад, и представляется очень уместным вернуться к этой проблеме, чтобы определить, как выглядит ПАС с позиций сегодняшнего дня. Такой анализ проведен в серии недавних работ Адама Пшепюрковского (ниже – АП; Przepiórkowski 2016a; Przepiórkowski 2016b; Przepiórkowski 2017a; Przepiórkowski, Patejuk 2018), в которых заново ставится вопрос о том, что лежит в основе противопоставления ПАС, какие существуют критерии для проведения грани между актантами и сирконстантами и насколько оправдано его использование в конкретных лингвистических описаниях.

Существует несколько попыток внести ясность в это противопоставление, формулируя различные тесты, которые опираются на те или иные свойства актантов и сирконстантов. Наиболее известные из этих свойств – синтаксическая обязательность (*syntactic obligatoriness*), семантическая обязательность (*semantic obligatoriness*), повторимость (*iterativity*), специфичность (*specificity*), DO SO-тест и некоторые другие. К сожалению, как это часто бывает в лингвистике, эти тесты опираются на свойства типичных актантов и сирконстантов, а в языке, как и в жизни, бывают не только типичные сущности. Поэтому тесты применимы не ко всем случаям, могут противоречить друг другу и могут давать результат, расходящийся с интуицией лингвистов.

АП обращается к нескольким авторитетным лингвистическим традициям и подходам, таким, как польское направление семантического синтаксиса (Karolak 1984), чешская теория функционального генеративного описания (Sgall et al. 1986), лексико-функциональная грамматика (Kaplan, Bresnan 1982) и широкая международная инициатива под названием *Universal Dependencies* (Nivre et al. 2016). Дискуссию, начатую АП, подхватила Я. Паневова, которая разъяснила позицию функционально-генеративной теории (Panevová 2016). С позиций польской школы семантики в дискуссию включились А. Богуславский и М. Данилевичова (Bogusławski 2017; Danielewiczowa 2017). Я хотел бы продолжить обсуждение статуса ПАС,

обращая особое внимание на два важных положения, выдвинутые АП в указанных работах:

А. Ни один из существующих подходов не выработал строгих операционных критериев, которые позволяли бы надежно проводить грань между актантами и сирконстантами. Это значительно снижает теоретическую и практическую ценность ПАС¹.

Б. Более того, эта ценность близка к нулю, поскольку на практике лингвистические описания либо никак не опираются на ПАС, либо, если и содержат какие-то отсылки к этому противопоставлению, они не являются принципиальными, и от них легко избавиться. Поэтому следует попытаться вообще не использовать ПАС в лингвистических описаниях и в теоретических построениях.

АП предпринял такую попытку в книге Przepiórkowski 2017b, где развивается концепция словаря зависимостей и грамматики, охватывающей как синтаксис, так и семантику, и при этом не различаются актанты и сирконстанты.

Ниже я изложу представление об актантах и сирконстантах, выработанное в Московской семантической школе (МСШ), и на основе этого прокомментирую утверждения А и Б.

1. Актанты vs. сирконстанты в МСШ

Ключевые понятия этого раздела: обязательный участник ситуации, семантическая и синтаксическая обязательность и факультативность, семантический и синтаксический актант, валентность, сфера действия.

Московская семантическая школа (см., например, Апресян 2005) не попала в поле зрения АП, а между тем, она давно сформулировала концепцию актантов/сирконстантов, которую стоит учитывать, обсуждая вопросы, поднятые АП. Упомяну лишь несколько работ, на которые я буду опираться ниже: Апресян 1974; Мельчук 1974; Богуславский 1985; Богуславский 1996; Mel'čuk 2015, с. 4–107.

Следует с самого начала подчеркнуть, что подход МСШ к проблеме валентностей тесно связан с семантическим разложением слова, воплощенным в его лексикографическом толковании. Тем самым, вопрос о составе валентностей слова является производным от того, как слово истолковано в словаре. Исходным пунктом при определении состава валентностей

¹ «Since these tests are among the most frequently cited tests for the Argument–Adjunct Distinction in contemporary linguistics, these results [неспособность тестов служить операционным критерием различения актантов и сирконстантов – ИБ] cast a shadow on the general validity of this dichotomy» (Przepiórkowski 2016a, с. 5)

слова является ситуация, обозначаемая данным словом и ее обязательные участники. Говоря несколько огрубленно, слово имеет столько валентностей, сколько участников ситуации необходимо упомянуть, чтобы истолковать его исчерпывающим и неизбыточным образом. Точнее говоря, обязательность наличия участника в ситуации – необходимое условие для существования валентности, но не достаточное. Участник должен еще определенным образом выразиться в предложении при данном слове².

Приведем пример, разбираемый в Апресян 1995, с. 52–53. Рассмотрим ситуацию прибивания, представленную во фразе

Дядя прибил табличку к стене.
Он прибивал доски топором.
Сапожник прибивает подметку деревянными гвоздями.

Участниками ситуации прибивания являются субъект *U* (тот, кто прибивает), объект *W* (то, что прибивается), объект и одновременно место *X* (то, к чему прибивается), инструмент *Y* (например, молоток) и расходуемое средство *Z* (например, гвозди). Действие прибивания состоит в том, что *U* ударяет *Y*-ом по *Z*-у; в результате ударов *Z* проникает сквозь *W* и углубляется внутрь *X*-а; в результате этого *W* начинает держаться на *X*-е. Покажем, что все упомянутые участники необходимы для полного семантического описания глагола *прибивать*. То, что ситуация прибивания не может иметь места без субъекта, объекта и объекта-места (кто-что-к чему прибивает), по-видимому, очевидно. Убедимся в том, что инструмент и средство также являются обязательными участниками.

Обязательность инструмента видна из сравнения прибивания с близкой ситуацией приклеивания. Приклеивать можно как с помощью инструмента типа кисточки, так и без него, например, непосредственно выдавливая клей из тюбика. Между тем, прибивать что-либо, не используя ударного инструмента, невозможно. Аналогично, сравнивая прибивание с прикреплением, мы убеждаемся в необходимости скрепляющего средства в первом случае и его необязательности во втором. Прикреплять можно и без средства, и без инструмента (например, прикрепить файл к письму). Таким образом, конституирующими для ситуации прибивания являются все пять перечисленных нами участников. Неупоминание в толковании хотя бы одного из них дает ситуацию, описываемую другими словами. С другой стороны, упоминание «лишнего» участника в качестве обязательного

² Что значит, что участник выражается при данном слове *L*, детально объясняется в Mel'čuk 2015, с. 18 (Definition 12.2). Во многих случаях эта выразимость сводится к тому, что участник реализуется словом, синтаксически связанным с *L*, но есть и другие возможности.

(например, введение инструмента в ситуацию приклеивания) приводит к тому, что толкование покрывает не все ситуации, в которых хотелось бы видеть данную лексическую единицу.

Этот пример, при всей своей схематичности, дает достаточное представление о том, как строится толкование слова: подбираются обязательные участники ситуации (каждый из них снабжается переменной) и описываются их свойства, состояния, цели, действия. Набор участников должен быть полон: он должен включать в себя все сущности, которые надо упомянуть, характеризуя данную ситуацию. При отсутствии в ситуации какого-то из таких участников, она не может быть названа данным словом. Так, если мы прикрепляем что-то, не нанося удары твердым и тяжелым предметом, то такое прикрепление нельзя назвать прибиванием. Такие участники ситуации называются **семантически обязательными**. В качестве полезного эвристического приема при подборе обязательных участников можно представить себе ситуацию, когда мы объясняем незнакомое слово ребенку. Хорошее объяснение значения слова должно перечислить всех необходимых участников, описать их свойства и события, в которых они участвуют. При их отсутствии в ситуации она лишается права называться данным словом.

Семантическую обязательность надо отличать от **синтаксической обязательности**. Синтаксически обязательный участник не может быть удален из предложения с сохранением его грамматической правильности и без превращения его в эллиптическое. Например: *Золотовалютные резервы Китая превосходят объем внешнего долга* → **Золотовалютные резервы Китая превосходят*.

В прототипическом случае все упоминаемые в толковании участники ситуации являются семантически обязательными. Однако встречаются и такие случаи, когда в толкование целесообразно ввести **семантически факультативного** участника, специально оговаривая его особый статус. Приведу один пример из работы Апресян 1974, с. 124–125. Когда мы *колем* что-нибудь, например, дрова, орехи или лед, мы обычно используем какой-то инструмент. Однако можно колоть и без всякого инструмента, например, бросая глыбу льда на землю. Таким образом, для ситуации *колоть* инструмент является высоковероятным, но не вполне обязательным участником, в отличие, например, от ситуации *рубить*, которая без инструмента немыслима. Поэтому инструменту у *колоть* стоит приписать статус факультативного участника.

Замечание. Понятие семантической обязательности, принятое в МСШ, не совпадает с семантической обязательностью в смысле функционально-генеративной

теории (Panevová 1994, с. 228–231). Согласно Я. Паневовай, семантическая обязательность участника проверяется в диалоге. Рассмотрим глагол *приезжать*. Как исходная точка движения (откуда приехал?), так и конечная точка (куда приехал?) синтаксически факультативны: предложение *Иван приехал*, в котором ни одна из них не выражена, вполне правильное. Между тем, если собеседник спросит говорящего *Откуда Иван приехал?*, то он вполне может ответить *Не знаю*, в то время как такой ответ на вопрос *Куда Иван приехал?* вряд ли возможен. Отсюда делается вывод, что конечная точка при этом глаголе семантически обязательна, а начальная точка – нет. Очевидно, что это понимание семантической обязательности не эквивалентно семантической обязательности МСШ, которая обозначает обязательное присутствие участника в ситуации. В этом легко убедиться: у того же глагола *приезжать* участник «транспортное средство» не является семантически обязательным согласно критерию Я. Паневовай. На вопрос *На чем Иван приехал?* говорящий вполне может ответить *Не знаю*. А в смысле МСШ этот участник без сомнения семантически обязателен, поскольку ситуация приезда, в отличие от прихода, невозможна без транспортного средства. Так что это два разные явления, и для их обозначения следует использовать разные термины. Участник, семантически обязательный по Паневовай, в МСШ называется коммуникативно обязательным (communicatively indispensable; Mel'čuk 2015, с. 57).

Еще два важных противопоставления, принятых в МСШ. Во-первых, различаются валентности и актанты. Валентность (actant slot) – это «пустое место», «открытая позиция», предусмотренная в толковании слова для обязательного участника ситуации. Актант – это то выражение, которое заполняет эту позицию в конкретных предложениях (Богуславский 1985).

Во-вторых, в зависимости от того, на каком уровне представления рассматривается предложение, можно говорить о семантических и синтаксических актантах. **Семантический актант** – это элемент семантической структуры, заполняющий валентность предиката. Что касается синтаксической структуры³, то для ее элементов, заполняющих валентность предиката, в МСШ используются два термина разного объема. Термин **синтаксический актант** обозначает такой элемент синтаксической структуры, который является подлежащим или дополнением или в достаточной степени похож на них по своему синтаксическому поведению (Mel'čuk 2015, с. 85). Одно из важнейших свойств синтаксического актанта состоит в том, что он синтаксически подчинен тому

³ В модели «Смысл–Текст» И. Мельчука различаются поверхностно-синтаксические и глубинно-синтаксические структуры. Поскольку не все работы, принадлежащие к МСШ, проводят это различие, в нашем изложении мы для простоты не будем различать эти два вида синтаксических структур. Здесь и ниже под синтаксической структурой и синтаксическим актантом мы будем иметь в виду поверхностно-синтаксическую структуру и поверхностно-синтаксический актант в смысле Мельчука.

слову, чьим актантом он является. Имеется, однако, много ситуаций, в которых предикат синтаксически не подчиняет слово, заполняющее его валентность. В первую очередь, это происходит тогда, когда предикатом является прилагательное, наречие, предлог, союз или частица. В этом случае предикат обычно сам синтаксически зависит от слова, заполняющего его валентность. Например, в сочетании *быстро бежит* глагол *бежит* синтаксически подчиняет наречие *быстро*, но с семантической точки зрения наречие выступает в качестве предиката, а глагол – его аргумента. Такой способ заполнения валентности называется **пассивным**, в отличие от **активного** заполнения валентности в случаях типа *Петя бежит*. Наконец, нередки ситуации, когда между предикатом и его аргументом в синтаксической структуре вообще нет непосредственной синтаксической связи. Наглядный пример – *любимый режиссер президента*. Здесь *любимый* является двухместным предикатом ('президент любит режиссера'). *Режиссер* синтаксически подчиняет прилагательное *любимый* и поэтому заполняет его валентность пассивным образом. А слово *президент*, заполняющее другую валентность *любимый*, синтаксически связано не с ним, а с *режиссер*. Такое заполнение валентности, когда аргумент синтаксически не связан с предикатом, называется **разрывным** (Boguslavsky 2003).

Легко видеть, что слова, заполняющие валентность предиката пассивным или разрывным образом, синтаксическими актантами не являются. Они синтаксически не подчиняются предикату и слишком далеки от подлежащих и дополнений по своим синтаксическим свойствам. Поэтому в случаях типа *бежит быстро* наречие *быстро* считается сирконстантом глагола *бежит*, но сам этот глагол в трактовке Мельчука актантом наречия не является. При этом соотношение между *любимый* и *президента* в сочетании типа *любимый режиссер президента* вообще лежит вне противопоставления актант-сирконстант. Между тем, удобно иметь более широкий термин, чем «синтаксический актант», который бы обозначал любой элемент синтаксической структуры, заполняющий валентность предиката, независимо от того, какую синтаксическую позицию относительно предиката он занимает. В качестве такого термина, более широкого, чем «синтаксический актант», был введен термин **сфера действия** слова по некоторой его валентности (Богуславский 1985, с. 19). Слово имеет в предложении столько сфер действия, сколько валентностей у него заполнено. Чаще всего, валентность заполняется подлежащим или дополнением (то есть, синтаксическим актантом), но иногда она может заполняться и иначе.

Сферу действия (СД) так же, как и актант, целесообразно рассматривать на двух уровнях. Любой фрагмент синтаксической структуры, заполняющий валентность, является синтаксической сферой действия (СД^{синт})

по этой валентности, а соответствующий фрагмент семантической структуры – семантической сферой действия (СД^{сем}). Различать СД^{синт} и СД^{сем} особенно важно потому, что они могут быть не изоморфны (Богуславский 1985, с. 20; Богуславский 1996, с. 44, 85–154), но здесь мы не можем останавливаться на этом важном явлении.

2. Операционные критерии для ПАС

Как упоминалось выше, в литературе много внимания уделялось тестам, которые могут быть использованы для того, чтобы отделить актанты от сирконстантов. Они касаются обязательности выражения, повторимости, сочетаемости с различными предикатами, лексико-синтаксической маркировки и др. Оказалось, что существующие тесты не могут считаться надежными операционными критериями, поскольку ни один из них не дает необходимых и достаточных условий для проведения этого различия. Впрочем, это не значит, что эти тесты не приносят пользы. Они очень поучительны в том отношении, что позволяют высветить существенные свойства ПАС и привлекают внимание к трудным случаям.

Отсутствие надежных операционных критериев является, по мнению АП, серьезным недостатком, значительно понижающим лингвистическую ценность противопоставления актант/сирконстант. Я хотел бы высказать несколько другой взгляд на роль операционных критериев. Разумеется, если для некоторого лингвистического конструкта удалось построить операционный критерий, позволяющий отделить его от других конструктов, это можно только приветствовать. Образцом здесь можно считать описания таких грамматических понятий, как падеж и согласовательный класс, предложенные А. Зализняком (1967; 1973). Однако это скорее исключение, чем правило. Многие лингвистические конструкты просто иначе устроены. Соответствующие им языковые объекты не образуют четко очерченную компактную группу, которую можно задать набором необходимых и достаточных условий. Чаще всего эти объекты организованы как ядро и периферия. Ядро класса образуют его прототипические элементы, которые обладают максимальным количеством свойств, характеризующих данный концепт. Чем дальше от ядра находится элемент, тем меньше у него прототипических свойств. Таким образом, мы имеем дело не с бинарной оппозицией, а со шкалой. Конечно, для того, чтобы определить положение некоторого элемента на такой шкале, полезно иметь серию тестов, но они обычно не имеют характер необходимых и достаточных условий. Скорее, они утверждают, что если данный элемент обладает (не обладает) таким-то свойством, то это делает его более (менее) похожим на прототип данного явления.

Характерным примером лингвистического понятия, имеющего такую природу, является понятие субъекта (подлежащего). В течение многих веков лингвистов устраивало единое понятие субъекта, унаследованное из классических грамматик. Затем, когда они внимательнее присмотрелись к языкам, не принадлежащим к индоевропейской группе, оказалось, что в разных языках субъекты ведут себя несколько по-разному, и единого свойства или набора свойств, отличающего субъекты от несубъектов во всех языках, не существует. Все согласны с тем, что, по-видимому, в синтаксисе всех языков имеется некоторая выделенная позиция, которая обладает особыми свойствами. В классической работе об универсальном определении субъекта Э. Кинан составил список из 30 разнообразных свойств, которые в той или иной степени характерны для субъектов в языках мира (Keenan 1976). Эти свойства делятся на 3 группы:

- а) семантико-синтаксические свойства:
 - способность выражать определенные значения, характерные для субъекта, такие, как *Causee* и т.п.,
 - коммуникативные способности (например, способность к фокализации),
 - референциальные способности (например, способность выражать референциальную определенность);
- б) чисто синтаксические свойства:
 - обязательное присутствие в любом предложении,
 - повторяемость,
 - специфическая линейная позиция в предложении,
 - контроль рефлексивизации, герундия,
 - способность к релятивизации,
 - возможность гэппинга, прономинализации, клитизации;
- в) морфо-синтаксические свойства:
 - контроль согласования с главным глаголом или другими элементами предложения,
 - падежная маркировка,
 - зависимость от словоизменительных категорий глагола, например, от залога.

Прототипические субъекты обладают большим количеством свойств из этого набора, но ни в одном языке не представлены они все, и ни одно свойство не представлено во всех языках. Чем больше свойств из этого списка имеет именная группа, или, иначе говоря, чем больше она похожа по своим свойствам на именную группу, признаваемую прототипическим субъектом, тем выше она стоит на шкале субъектности (Ackermann, Moore 2001; Farrell 2010; Seržant 2013). Хотя единого операционного критерия,

диагностирующего субъектность именной группы, не существует, это тем не менее не делает понятие субъекта теоретически сомнительным и ни в коей мере не подталкивает лингвистов к тому, чтобы от него отказаться.

Похожим образом трактуется в МСШ противопоставление синтаксических актантов и сирконстантов (Mel'čuk 2015, с. 83–85). Прототипическими синтаксическими актантами являются подлежащее, прямое и косвенное дополнение. Для того чтобы определить, является ли некоторое выражение синтаксическим актантом, необходимо сравнить его синтаксические свойства со свойствами прототипических синтаксических актантов, которые должны быть заданы заранее.

Итак, хотя список релевантных синтаксических свойств специфичен для каждого языка, определение синтаксического актанта является универсальным. Оно строится индуктивно:

1. Базис индукции: Подлежащее и дополнения главного глагола являются (прототипическими) синтаксическими актантами.
2. Индукционный шаг: Лексическая единица Р, синтаксически зависящая от L, является синтаксическим актантом L, если она имеет достаточное количество синтаксических свойств, общих с уже установленными синтаксическими актантами.

Подобные определения, хотя и содержат неформализуемые компоненты и не являются операционными критериями в строгом смысле слова, предоставляют исследователям достаточно адекватный инструмент для работы с лингвистическими объектами, организованными по принципу «центр и периферия».

Несколько иначе обстоит дело с определением семантических актантов – ключевой процедурой, опирающейся на установление обязательных участников ситуации, описываемой данным словом. Как говорилось выше, вопрос о составе семантических актантов является производным от того, как слово истолковано в словаре. Близкая точка зрения формулировалась и в польской школе семантики, признающей истолкование лексического значения наиболее надежным методом идентификации аргументов предиката (Bogusławski 1974; Bogusławski 1978; Karolak 1984, с. 54; Danielewiczowa 2017). Однако, поскольку выработка адекватного толкования слова – дело неформализуемое и в значительной мере субъективное, АП высказывается в пользу более объективного метода установления ПАС, заключающегося в построении операционного критерия (Przepiórkowski 2017a, с. 2). Поиск такого критерия до сих пор не увенчался успехом и, скорее всего, не увенчается и впредь. Поэтому, по мнению АП, можно сомневаться в том, что это противопоставление реально существует, и во всяком случае это нельзя считать доказанным:

«after over half a century of looking for convincing and stable tests for the argument–adjunct dichotomy – the burden of proof is on the proponents of this dichotomy» (Przepiórkowski 2016b, с. 561).

Ср. также:

«the absence of an operational distinction between arguments and adjuncts, and the possibility that such a single fundamental distinction does not exist in the system of natural languages, must be considered as potentially fatal to the Semantic Syntax approach» (Przepiórkowski 2017a, с. 9–10).

Я не разделяю мнение АП о том, что отсутствие операционного критерия для идентификации лингвистического конструкта ставит под вопрос его лингвистическую ценность. Ее создает не наличие операционного критерия, а востребованность. Чем больше в языковой системе участков, чувствительных к этому понятию, чем больше правил, требующих его упоминания, чем больше явлений оно позволяет объяснить, тем более оно существенно для лингвистического описания. Покажем, что противопоставление актантов и сирконстантов полезно для моделирования языка.

3. Для чего нужно различать актанты и сирконстанты?

Часто о валентностях говорят в связи с задачей описания управляющих свойств слов. Именно эта задача в первую очередь мотивирует создание многочисленных словарей валентностей. Я хотел бы сделать другой акцент: заполнение валентностей является важнейшим инструментом соединения смыслов слов в предложении, своего рода семантическим клеем, благодаря которому значение предложения образует связную структуру. Я исхожу из того, что если одно из слов в предложении (А) семантически воздействует на другое (Б), то за этим скрывается семантическая валентность: слово Б так или иначе заполняет некоторую семантическую валентность слова А. Все связи между элементами в семантической структуре – это связи между предикатами и аргументами, и других семантических связей нет.

Общий механизм объединения значений слов в значения более крупных текстовых единиц удобно продемонстрировать на задаче построения семантической структуры предложения. Он состоит (с некоторым упрощением) в следующем. Как мы уже упоминали выше, каждое валентное слово имеет толкование, в котором все участники ситуации, соответствующие валентностям слова, представлены переменными. Помимо толкования, слово снабжается информацией о том, какую синтаксическую позицию могут занимать в предложении выражения, заполняющие его валентности, и как

они могут быть выражены (каких предлогов требовать, являются ли эти предлоги семантически пустыми или нет, в каком падеже они должны стоять, являются ли они синтаксически обязательными или нет, какие имеются ограничения на совместное выражение разных валентностей и т.п.). Для валентностей, заполняемых подлежащим и дополнениями, в МСШ принято задавать эту информацию в виде так называемой модели управления (пример см. ниже). Она представляет собой таблицу, столбцы которой соответствуют валентностям слова (сколько валентностей, столько и столбцов), а строки – способам выражения каждой валентности (сколькими способами может быть выражена валентность, столько строк она имеет в своем столбце). Кроме этого, модель управления фиксирует информацию о синтаксической обязательности валентности, ограничениях на совместную выразимость разных валентностей и некоторые другие сведения. На основе этой информации в синтаксической структуре предложения отыскиваются сферы действия данного слова по всем его валентностям. Это, прежде всего, его синтаксические актаны (подлежащее и дополнения), а также прочие выражения, которые заполняют его валентности. Затем все найденные выражения подставляются в толкование слова вместо соответствующих переменных. Рассмотрим в качестве упрощенного примера предложение (1):

(1) Поезд опоздал на конечную станцию на два часа.

Хотелось бы получить для этого предложения семантическую структуру, похожую на (2):

(2) 'ожидалось, что поезд прибудет на конечную станцию в некоторый момент t_0 ; поезд прибыл туда в момент t_1 ; t_1 позже, чем t_0 , на два часа.'

Какой информацией надо располагать, чтобы получить для (1) эту семантическую структуру? Прежде всего, надо иметь толкование глагола *опоздать*. Его можно сформулировать следующим образом:

(3) X опоздал в Y на Z = 'ожидалось, что объект X прибудет в место Y в некоторый момент t_0 ; X прибыл в Y в момент t_1 ; t_1 позже, чем t_0 , на величину Z '.

Затем надо задать информацию о заполнении валентностей этого глагола с помощью модели управления, которая (в упрощенном виде) может выглядеть так:

ОПАЗДЫВАТЬ

X	Y	Z
подлежащее в ИМ	1. предлог с направлятельным значением + N (например, <i>на работу, к обеду, к нам</i>) 2. наречие с направлятельным значением (например, <i>туда</i>)	1. <i>на</i> + N, 'время'

С помощью модели управления определяем, что в предложении (1) валентность X заполняется выражением *поезд*, валентность Y заполнена выражением *конечная станция*, а валентность Z заполнена выражением *два часа*. Подставляя найденные выражения в толкование вместо соответствующих переменных, получаем искомую семантическую структуру (2).

Итак, мы сумели получить нужную нам семантическую структуру благодаря двум ключевым обстоятельствам, апеллирующим к валентностям: (а) толкование предиката *опаздывать* содержит переменные, соответствующие валентностям; (б) модель управления показывает, какие элементы синтаксической структуры соответствуют каждой переменной. Если бы такой информации у нас не было, то правильно «склеить» значение глагола и значения его актантов мы бы не могли. В частности, даже если бы мы знали, какую семантическую роль имеет выражение *на две недели* (TFHL, temporal-for-how-long), это само по себе не обеспечило бы помещение значения этого выражения в ту позицию в толковании глагола, в которой находится переменная Z (' t_1 позже, чем t_0 , на величину Z'). Еще более наглядно необходимость обнаружения актантов видна в следующем примере. Рассмотрим глагол *одадживать* в примерах (4) и (5).

(4) Он одолжил деньги у своего знакомого на три дня.

(5) Он одадживает деньги у своих знакомых уже три года.

Ситуация займа предполагает, что заемщик обязуется вернуть взятую ценность через некоторое время после того, как он ее получил. Таким образом, срок между получением ценности и ее возвратом является необходимым участником ситуации займа. Основные способы выражения этой валентности при глаголе *одадживать* – это именные группы, вводимые предлогом *на* (*одолжил на три дня*) или *до* (*одолжил до понедельника*). Сравнивая предложения (4) и (5), мы видим, что хотя обе группы – *на три дня* и *три года* – обозначают интервал времени, но ведут они себя относительно *одадживать* по-разному. Первая из них, представленная в предложении (4),

характеризует условия займа. *Три дня* – это интервал, в течение которого заемщик может пользоваться одолженными деньгами. В предложении (5) про условия займов ничего не говорится. Здесь *три года* – это период, в течение которого субъект одалживал деньги.

Таким образом, если мы решаем задачу семантической интерпретации предложений (4)–(5), то необходимо понимать, что в (4) интервал *три дня* заполняет валентность глагола *одалживать*. Благодаря этому мы сможем подставить это значение в толкование глагола вместо соответствующей переменной. В противоположность этому интервал *три года* в (5) является сирконстантом и характеризует время протекания действия *одалживать* в целом.

Если же мы смотрим на эти предложения не с точки зрения анализа, а с точки зрения порождения, то тоже без информации о валентностях не обойтись. Если нам надо построить предложение со словом *одалживать* по семантической структуре, в которой сообщается, что заемщик может пользоваться деньгами в течение трех дней, то надо употребить выражение *на три дня*, и нельзя воспользоваться выражениями *три дня* или *в течение трех дней*. Если же в семантической структуре говорится, что действие *одалживать* осуществлялось в течение трех лет, то, наоборот, можно сказать *одалживал три года* или *в течение трех лет*, но нельзя употребить выражение *на три года*.

В этом разделе я хотел показать, что существуют фрагменты модели языка, которые существенным образом опираются на то, что актанты и сирконстанты ведут себя по-разному. Следовательно, информация о том, какое слово в предложении является актантом предиката, а какое – нет, должна быть доступна. Это, впрочем, не значит, что эта информация должна быть маркирована в синтаксической структуре предложения. Достаточно, чтобы детальные сведения об актантах каждого предикатного слова содержались в словаре. В этом смысле установка, принятая в рамках подхода UD (Universal Dependencies), на то, чтобы различия между актантами и сирконстантами не отражались в UD-структурах, представляется вполне разумной.

И последнее замечание: демонстрация избыточности противопоставления актантов и сирконстантов, предпринятая АП, опирается на положительный опыт таких описаний синтаксиса и семантики языка, которые не обращаются к этому противопоставлению. Однако, скорее всего, такие описания просто не ставят перед собой задачи, для которых это противопоставление существенно. А как мы стремились показать выше, такие задачи существуют и занимают существенное место в построении модели языка. Одна из важнейших таких задач – описание того, как значение предложения складывается из значений слов, входящих в его состав.

4. Заключение

Противопоставление актантов и сирконстантов играет в подходе МСШ весьма важную роль. Знание того, как выражаются актанты каждого предикатного слова и какие существуют ограничения на их употребление, безусловно, необходимо для построения правильных текстов. С другой стороны, заполнение валентностей предикатных слов является главным инструментом объединения значений отдельных слов в значение всего предложения. Поэтому при анализе предложения для каждого предикатного слова необходимо найти все выражения, заполняющие его валентности, независимо от того, как они связаны со своим предикатом.

Для определения того, какие выражения являются актантами данного слова, а какие нет, известные тесты, такие, как обязательность, повторимость и др., играют лишь вспомогательную роль. Главное, что следует принимать во внимание при решении этого вопроса, это аналитическое толкование предикатного слова. Валентности соответствуют обязательным участникам ситуации, и при истолковании слова все обязательные участники должны быть включены в толкование. Многие критики такого подхода обращают внимание на значительный субъективизм, который присущ толкованиям лексических значений, и поэтому ищут более объективных критериев. Однако, как показывает более чем 60-летний опыт поиска таких критериев, они полностью проблемы не решают. С другой стороны, по моим ощущениям, принципы построения аналитических толкований, разработанные в МСШ, позволяют значительно снизить уровень субъективизма при истолковании лексических значений. Детальные описания этих принципов можно найти, например, в Апресян 1995, с. 46–67; Апресян 2010; Melčuk 2015. На основе этих принципов выполнен ряд крупных лексикографических проектов – Мельчук, Жолковский 1984; Melčuk et al. 1984–1999; Апресян 2004; Апресян 2014. В результате разработка аналитических толкований слов вышла на качественно другой уровень и стала гораздо менее субъективным делом. Это, конечно, не снимает проблем с интерпретацией сложных случаев, но во всяком случае значительно упрощает проведение границы между актантами и сирконстантами.

Библиография

- Ackerman, F., Moore, J. (2001). *Proto-properties and Grammatical Encoding: A Correspondence Theory of Argument Selection*. Stanford: CSLI Publications.
- Апресян, Ю.Д. (1974). *Лекси́ческая семантика (синоними́ческие средства языка)*. Москва: Наука.

- Apresjan, Ju.D. (1995). *Izbrannye trudy. Tom 2. Integral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija*. Moskva: Škola «Jazyki russoj kul'tury».
- Apresjan, Ju.D. (red.). (2004). *Novyj ob"jasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo jazyka. 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe*. Moskva: Škola «Jazyki slavjanskoj kul'tury».
- Apresjan, Ju.D. (2005). O Moskovskoj semantičeskoj škole, *Voprosy jazykoznanija*, 1, 3–30.
- Apresjan, Ju.D. (red.). (2010). *Prospekt aktivnogo slovarja russkogo jazyka*. Moskva: «Jazyki slavjanskix kul'tur».
- Apresjan, Ju.D. (red.). (2014). *Aktivnyj slovar' russkogo jazyka*. Moskva: LRC.
- Boguslavskij, I.M. (1985). *Issledovanija po sintaksičeskoj semantike: sfery dejstvija logičeskix slov*. Moskva: «Nauka».
- Boguslavskij, I.M. (1996). *Sfera dejstvija leksičeskix edinic*. Moskva: Škola «Jazyki russoj kul'tury».
- Boguslavsky, I. (2003). On the Passive and Discontinuous Valency Slots. In: *Proceedings of the 1st International Conference on Meaning-Text Theory* (16–18). Paris, Ecole Normale Supérieure, June.
- Bogusławski, A. (1974). Preliminaries for semantic-syntactic description of basic predicative expressions with special reference to Polish verbs. W: A. Orzechowska, R. Laskowski (red.), *O predykcji* (39–57). Wrocław: Ossolineum.
- Bogusławski, A. (1978). Towards an operational grammar, *Studia Semiotyczne*, VIII, 29–90.
- Bogusławski, A. (2017). W sprawie językowo-autorefleksyjnego testowania wymagań składniowych, *Prace Filologiczne*, LXX, 33–45.
- Danielewiczowa, M. (2017). Argumenty i modyfikatory – głos w dyskusji, *Linguistica Copernicana*, 14, 55–70.
- Farrell, P. (2010). Term Relations and Relational Hierarchies. Hypothesis A/Hypothesis B. In: D. B. Gerdts et al. (eds.), *Linguistic Explorations in Honor of David M. Perlmutter* (151–172). Cambridge, MA: MIT Press.
- Kaplan, R.M., Bresnan, J. (1982). Lexical-Functional Grammar: A formal system for grammatical representation. In: J. Bresnan (ed.), *The mental representation of grammatical relations* (173–281). MIT Press Series on Cognitive Theory and Mental Representation. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Karolak, S. (1984). Składnia wyrażeń predykatywnych. In: Z. Topolińska (ed.), *Gramatyka współczesnego języka polskiego: Składnia* (11–211). Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Keenan, E. (1976). Towards universal definition of 'Subject'. In: Ch. Li (ed.), *Subject and Topic* (303–334). New York etc: Academic Press.
- Melčuk, I.A. (1974). *Opyt teorii lingwističeskix modelej «Smysl – Tekst»*. Moskva: Nauka.
- Melčuk, I. (2015). *Semantics. From Meaning to Text*. Vol. 3. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

- Melčuk, I.A., Žolkovskij, A.K. (red.). (1984). *Tolkovo-kombinatornyj slovar' sovremen-nogo russkogo jazyka. Opyty semantiko-sintaksičeskogo opisanija leksiki*. Wien: Institut für Slavistik der Universität Wien.
- Melčuk, I. et al. (1984, 1988, 1992, 1999). *Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques I–IV*. Montréal: Les Presses de l'Université de Montréal.
- Nivre, J. et al. (2016). Universal Dependencies v1: A multilingual treebank collection. In: N. Calzolari et al. (eds.), *Proceedings of the Tenth International Conference on Language Resources and Evaluation, LREC 2016, Portorož, Slovenia (1659–1666)*. ELRA, European Language Resources Association (ELRA).
- Panevová, J. (1994). Valency frames and the meaning of the sentence. In: Ph. Luelsdorff, *The Prague School of Structural and Functional Linguistics (223–243)*. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins.
- Panevová, J. (2016). In favour of the argument-adjunct distinction (from the perspective of FGD), *The Prague Bulletin of Mathematical Linguistics*, 106 (1), 21–30.
- Przepiórkowski, A. (2016a). Against the argument-adjunct distinction in Functional Generative Description, *The Prague Bulletin of Mathematical Linguistics*, 106 (1), 5–20.
- Przepiórkowski, A. (2016b). How not to distinguish arguments from adjuncts in LFG. In: D. Arnold et al. (eds.), *Proceedings of the Joint 2016 Conference on Head-driven Phrase Structure Grammar and Lexical Functional Grammar (560–580)*. Stanford, CA: CSLI Publications.
- Przepiórkowski, A. (2017a). On the argument-adjunct distinction in the Polish *Semantic Syntax* tradition. *Cognitive Studies / Études cognitives*, 17. DOI: 10.11649/cs.1344
- Przepiórkowski, A. (2017b). *Argumenty i modyfikatory w gramatyce i w słowniku*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.
- Przepiórkowski, A., Patejuk A. (2018). Arguments and Adjuncts in Universal Dependencies. In: *Proceedings of the 27th International Conference on Computational Linguistics (3837–3852)*. Santa Fe, New Mexico, USA, August 20–26.
- Seržant, I. (2013). Rise of Canonical Subjecthood. In: I.A. Seržant, L. Kulikov (eds.), *The Diachrony of Non-canonical Subjects (283–310)*. Amsterdam: John Benjamins.
- Sgall, P. et al. (1986). *The Meaning of the Sentence in Its Semantic and Pragmatic Aspects*. Dordrecht: Reidel.
- Somers, H. (1987). *Valency and Case in Computational Linguistics*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Tesnière, L. (1959). *Éléments de syntaxe structurale*. Paris: Klincksieck.
- Zaliznjak, A.A. (1967). *Russkoe imennoe slovoizmenenie*. Moskva.
- Zaliznjak, A.A. (1973). *O ponimanii termina «padež» v lingvističeskix opisanijax. Čast' I. Problemy grammatičeskogo modelirovanija*. Moskva.

АБСТРАКТ: В этой статье мы еще раз обратимся к вопросу о противопоставлении актантов – сирконстантов (*arguments – adjuncts*), особенно в связи с недавними предложениями вообще отказаться от этого противопоставления как слишком субъективного, не опирающегося на надежные критерии и избыточного для лингвистического описания. Мы продемонстрируем, как это противопоставление трактуется в Московской семантической школе. Оно используется в разных участках лингвистического описания и, в особенности, при объединении значений слов в значение всего предложения.

О ОПОZYCJI AKTANTY VS. CIRCUMSTANTY W MOSKIEWSKIEJ SZKOLE SEMANTYCZNEJ

АБСТРАКТ: W artykule tym zajmiemy się problemem rozróżnienia aktantów i circumstantów, nawiązując do niektórych propozycji, w których to rozróżnienie jest odrzucane jako zbyt subiektywne, aby mogło być przedmiotem opisu językowego; uważane jest za raczej zbędne i nie poparte rzetelnymi kryteriami. Pokazujemy, jak rozróżnienie to jest traktowane przez Moskiewską szkołę semantyczną: ma ono znaczenie dla opisu językowego z wielu względów, zwłaszcza dlatego, że wypełnienie walencyjne jest głównym mechanizmem łączenia znaczeń słów w znaczenie całego zdania.